

кой борьбы, хотя приведенные автором выпады Вассиана против «развратницев» давали к тому полную возможность.

Поскольку нечеткая постановка вопроса о классовой и внутриклассовой борьбе отразилась и в предисловии к одному из томов (т. VIII, стр. 5), складывается впечатление, что редакция «Трудов» упустила из виду известные указания классиков марксизма о характере внутриклассовой борьбы. В общем виде эти указания особенно четко сформулированы Ф. Энгельсом, призывавшим изучать, «каким образом происходит возвышение класса, в то время как те различные формы, в которых в разное время сосредоточивается его центр тяжести, исчезают и различные части класса, приобретающие влияние благодаря этим формам, гибнут»⁴. Это указание дает ключ к пониманию и истории феодальной общественно-политической мысли.

В исследовании Д. С. Лихачева «Общественно-политические идеи «Слова о полку Игореве» (т. VIII, стр. 17—30) содержится немало ценных наблюдений. Однако статью в целом нельзя признать удачной. Д. С. Лихачев поставил целью выяснить, в какой среде родилось «Слово» и «выразителем чьих идей» был его автор (стр. 18). Исходя из мысли о «распаде Киевского государства», Д. С. Лихачев полагает, что в дальнейшем феодалы стремились только разнести страну на обособленные «мирки». Другая тенденция — к единству страны, находившая опору в дворянстве, служилом боярстве, а также в городах, поддерживавших новых, не киевских князей и объективно выражавших стремление народа к единству и миру в стране, — эта тенденция осталась вне поля зрения Д. С. Лихачева.

Создается впечатление, что в этой статье известное указание Ф. Энгельса о королевской власти понято не как оценка союза королевской власти с бюргерством и дворянством, а как оценка ее непосредственного союза с народом вообще: «главной опорой княжеской власти в ее борьбе с боярством были горожане и сельское население» (стр. 24).

Между тем тенденция к единству приводила к возникновению не «мирок», а обширных княжеств с относительно устойчивыми границами. Правда, не раз имели место явления обратного порядка, когда разбогатевшие дворяне выступали совместно с боярами против князей (например, во Владимирско-Суздальской земле в 1174 г.), когда горожане, подвластные боярству, также противились объединительной политике (например, в Новгородско-Псковской земле), но несмотря на это, все тверже, все могущественнее проступала основная тенденция средневековой истории, глубоко вскрытая Ф. Энгельсом⁵.

Упустив из виду диалектику феодальной раздробленности, Д. С. Лихачев склонен отрицать прогрессивность большинства класса феодалов этого времени; он делает ошибочный вывод, что «тенденция к дроблению русской культуры XII в. шла сверху, тенденция к ее единству шла снизу» (стр. 20).

Д. С. Лихачев фактически отказывает феодалам и в патриотизме. Допуская, что призывы автора «Слова» объективно «ближе всего отвечали потребностям класса земледельцев — крестьян — эксплуатируемых народных трудовых масс», а «не интересам феодалов» (стр. 21), Д. С. Лихачев полагает, что «простых ратников, а не предводителей-князей имеет в виду автор «Слова», говоря о «русичах», «русских сынах», «воях» (стр. 22).

Д. С. Лихачев выдвигает рискованный тезис о том, что даже «и с у б ъ е к т и в н о, если не умом, то, во всяком случае сердцем, автор «Слова» был также на стороне трудового народа». Правда, допуская противоречие в изложении, Д. С. Лихачев ниже пишет, что «конечно, не следует, что идеология автора «Слова» и идеология трудового населения Руси целиком совпадают. Речь идет только об основных политических идеях, выраженных в «Слове» (стр. 29); при этом, однако, делается глубоко ошибочный вывод, что «автор «Слова» занимал свою независимую от правящей верхушки феодального общества патриотическую позицию» (стр. 29). Но патриотизм вовсе не был чужд и феодалам. Из признания объективно прогрессивного народного значения «Слова» как памятника литературы гражданской, публицистической — о чем хорошо сказано в небольшой статье В. В. Виноградова «Слово о полку Игореве» и русская культура» (т. VIII, стр. 11—16) — вовсе не следует, что его автор — представитель нарождающегося дворянства, был независим «от правящей верхушки».

Говоря об этом важном разделе «Трудов», хотелось бы отметить еще один его недостаток — все еще невысокий уровень исторической характеристики страны в соответствующие периоды, хотя само появление исторических характеристик надо приветствовать. Наряду с такими статьями, в которых историзм является важнейшим средством понимания источника, есть в этом отношении статьи слабые.

В числе первых статей надо отметить работу М. Н. Тихомирова «Где и когда было написано «Слово о погибели» (т. VIII, стр. 235—244). Глубокое знание источников позволило М. Н. Тихомирову сделать весьма интересные наблюдения над сообщением «Слова» о народах нашей страны, дать убедительную датировку памятника. Дискуссионной остается, думаем, лишь мысль М. Н. Тихомирова о новгородском происхождении «Слова». Начиная перечень окружающих народов «отселе», автор-новгородец назвал бы в первую очередь не угров, ляхов и чехов, а немцев, сумь, емь, карел; не забыл бы он и шведов.

⁴ Там же, стр. 81,

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, стр. 445